

Дана Богданова

Образы любви

16+

Дана Богданова Тумилович

Образы любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015232

SelfPub; 2020

Аннотация

Как часто мы смотрим наружу, как редко мы смотрим внутрь. А там мы. Сущность человека скрыта в образах и картинах. И иногда эти картины нельзя сдерживать. Так родились эти рассказы.

Содержание

Предисловие	4
История одной любви	7
Уроки музыки	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Предисловие

Интересно, кто-то когда-то задумывался над тем, почему мы любим именно этого человека, а не какого-то другого? Вот почему я люблю именно этого, а не любого другого мужчину? Ведь очень часто этот другой мужчина может оказаться намного лучшим по всем «параметрам» – и более обходительный, и более состоятельный, и более сексуальный, и более, более, более... Более-то более, ан нет, не то. Сердце не обманешь. Потому что ОН – это ОН, тот самый, а это... просто другой мужчина, пусть даже и очень хороший.

Что это выбирает во мне? Что это за часть такая, и откуда она так точно знает, что это именно ОН? Может быть, у него сто тысяч недостатков, и личность какая-то... не очень, и поэтому никаких отношений получиться не может. Всё это очень печально, конечно, но всё равно... Любовь-то остаётся. Её никто не отменял. Его можно не видеть, но можно жить для него. Можно быть самой прекрасной только для него. Ну, и всем остальным, конечно, тоже кое-что достанется от этого состояния любви. Потому что когда любишь, то любишь почему-то всех, даже самых ворчливых и неприятных граждан. И почему-то любовь всегда показывает красивый выход из самых некрасивых ситуаций.

Странное всё-таки это чувство. Если идти глубже, то понимаешь, что ОН – это не какой-то конкретный мужчина,

которого я, как женщина, должна обязательно встретить в своей жизни. ОН – это что-то другое. ОН не Вася и не Петя, и даже не Коля. Можно, конечно, бесконечно грустить по поводу невозможности отношений с Васей или Петей, но если серьёзно задуматься, то чего-то всё равно не хватало бы в этих отношениях, если бы они были. В отношениях ОН куда-то обязательно делся бы, а я осталась бы наедине с Васей или Петей, с которыми у меня, в принципе, мало чего общего.

ОН был во всех мужчинах, которых я когда-либо любила. Иногда мне кажется, что ни один мужчина не способен повторить ЕГО. ОН безграничен, наверное, как Бог. Но всё-таки это не Бог, потому что Бог может быть всяким, Он един для всех, а ОН – конкретно такой, какой он есть, и существует он конкретно для меня. Но всё равно ЕГО нельзя воплотить. А может быть, можно, а я просто никогда не встречала такого человека? Всё может быть... В этом мире всё может быть. Особенно то, что невозможно.

Но сейчас я понимаю, что ОН в моём сердце. Всегда. Не имеет значения, встречаюсь я с Васей, с Петей или вообще ни с кем не встречаюсь. ОН есть. И ОН всегда со мной, хочу я этого или не хочу, знаю об этом или не знаю. Лучше, конечно, всё-таки знать. Так приятнее и теплее на душе. ЕГО никак нельзя описать, но ЕГО можно ощутить. Ощутить и больше никогда не чувствовать себя одинокой. А можно ощущать ЕГО всегда. Это, наверное, совсем здорово, но

для этого ещё нужно немного поработать. Ещё кое-что понять... кое в чём разобраться...

История одной любви

Ты появилась у меня не так, как остальные. Появилась тогда, когда мне казалось, что чувства больше никогда не потревожат моей души. Много чего случалось тогда плохого и хорошего, но всё это проходило будто бы сквозь меня, не затрагивая души. Я смотрела на мир будто бы со стороны, будто бы я здесь чужая, и всё происходящее меня никоим образом не касается. «Я, наверное, больше никогда не смогу любить», – сказала я однажды. И эти слова услышала Старушка-Судьба. Услышала, улыбнулась про себя и назвала глупышкой, а потом подарила мне тебя, моя Любовь.

Я даже представить себе не могла, что ты будешь такой. Ты была словно яркая огненная птица, которая взлетала до невиданных доселе высот, увлекая меня за собой. И мне так часто казалось, что я тоже имею крылья, что я тоже могу взмахнуть ими и лететь за тобою на седьмое небо, забывая о невзгодах и печалях и о бренности этого мира. Ты была похожа на светлого ангела, которого создали я и он, и который имел черты нас обоих.

Прилетая ко мне, ты смеялась, прижималась ко мне и обнимала крыльями и руками, отчего становилось так тепло и спокойно, что я готова была раствориться в этом счастье. Ты говорила, что давно искала душу, которая пригреет тебя и даст тебе жизнь, и так счастлива, что нашла меня, а отдохнув,

ты снова взлетала и звала меня за собой, говоря: «Полетели, я покажу тебе то, чего ты никогда ранее не видела. Я помогу тебе сделать всё, что ты захочешь, мы вдвоём достигнем небывалых высот. Только верь мне». И мне казалось, что я всегда буду верить только тебе, и ничто не сможет поколебать эту веру.

А потом пришла Беда. Словно кто-то выстрелил в тебя, и ты упала с высоты с подбитыми крыльями. Мне тогда показалось, что ты умерла, так долго ты, оглушённая ударом, лежала на земле и не шевелилась. А у меня, шокированной, даже не было сил поднять тебя и укрыть, не было даже слёз, чтобы омыть твои раны. Мне тогда показалось, что умерла и я.

Но, как ни странно, ты выжила. Только уже не было у тебя сил подняться на ноги. «Помоги мне, – часто слышала я твой тихий шёпот. – Мне так холодно и страшно без тебя. Мне так больно и одиноко. Я умираю, но я так хочу жить! Помоги мне, только ты в силах это сделать!» «Ты никогда больше не полетишь, – отвечала я тебе. – К чему мне бескрылая любовь? Ты теперь не имеешь будущего. Ты не сможешь жить без Веры и Надежды. Ты умрёшь всё равно, какая разница, раньше или позже. Пусть же это случится раньше, чтобы я не мучилась вместе с тобой». Тогда ты молчала, глядя на меня своими испуганными глазами. «Ты предаёшь меня?» – читала я в них и убегала. Убегала от тебя и от самой себя.

Потом начался период кошмаров. Я убивала тебя, но все

твои муки, как в зеркале, отражались во мне. Я тогда ещё не понимала, почему так происходит. «Ты должна умереть, – как в бреду, повторяла я самой себе. – У тебя нет Надежды, а без Надежды нет продолжения. Я должна убить тебя, но как? О Боже, как это сделать? Как поднять руку на бессильное, безвинное создание?» И я доверила это другим. Злость, Неверие, Обида, отчаяние приходили по очереди. Все они пытались уничтожить тебя, стереть с лица земли. Ты, как могла, сопротивлялась Смерти, а я лишь смотрела на всё это, не принимая окончательного решения, и лишь каждый твой крик, каждый стон ножом пронзал сердце. «Помоги!» – умоляла ты. «Умирай! – шептала я в ответ. – Умирай! Дай выжить мне! Дай мне жить!» Но я не жила. Я умирала вместе с тобой. Постепенно я начала догадываться, что без тебя мне нет жизни, только в тебе одной жизнь имела смысл. И тут началась великая война Сердца и Разума. Сердце умоляло оставить тебя в живых, а Разум убеждал отойти от прошлого и жить дальше. Когда сходились они в равной схватке, я думала, что мне нет спасения. И так, казалось, будет длиться вечно, поскольку никто из них не мог одержать окончательной победы.

Но и в войнах бывают затишья. Страсти померкли, боль притупилась. Я тенью слонялась по пустому городу, ища Утешения и Покоя, но не находила его. А ты всё лежала без сил, даже не поднимая на меня глаз, и лишь конвульсивное вздрагивание говорило о том, что ты всё ещё жива. А я тебя

уже практически не замечала.

В один из дней я поняла, что это конец. Ты бездыханная лежишь передо мной, а у меня снова нет ни слов, ни слёз, чтобы тебя оплакивать. Я добилась того, чего хотела.

К темноте я уже привыкла. Сердце сковано ледяными цепями, Разум отказывался вникать в мелочность жизни. Это и был долгожданный Покой. Но я была наполовину мертва, ни горести, ни радости меня совершенно не касались. Остались лишь чёрные, мрачные тучи... и холод... и безразличие.

Много времени прошло перед тем, как я начала приходить в себя. Я уже совсем забыла о тебе и вспомнила только тогда, когда рядом появилась другая Любовь. Она была так не похожа на тебя. Временами я с тоской вспоминала, какой яркой и красочной была ты, и какой блёклой и безликой была она. Но она была... а тебя не было. И поскольку мне нужно было дальше жить, я бросила все свои силы на то, чтобы придать ей хоть какой-то вид. Я увлеклась ею и не заметила, как лёгкое дыхание начало вылетать из твоих приоткрытых губ.

И в тот миг, когда я была уже готова ввести чужачку в свою жизнь, ты неожиданно ожила. Резко поднялась на ноги и изгнала негодницу прочь, а я смотрела на всё это, не веря в реальность происходящего. Настолько неожиданно всё это случилось, что я зажмурилась, а когда открыла глаза, всё вокруг было залито светом. Ты стояла возле закрытой двери, смотрела на меня и улыбалась. Улыбалась так же светло и

лучисто, как когда-то. Я ожидала от тебя укоров и упрёков, но ты просто от радости повисла у меня на шее... и начала говорить.

Столько всего ты рассказала мне! О том, что было с тобой, пока ты была в коме, что узнала твоя душа, летая в пустостороннем мире. И открыла мне наконец секрет: ты – это я, и ты будешь жить столько, сколько буду жить я. Ты очень просила меня поверить в тебя и дать тебе навести порядок в моей израненной душе. Я согласилась. Впервые за столько времени я наконец почувствовала себя счастливой. Ты, однако, уже не умела летать, но настолько быстро бегала, что я не могла за тобой уследить. Ты раскрасила весь мой мир в яркие тона, каких я не видела целую зиму. Ты снова согрела меня и вернула к жизни. И я поверила в эту сказку, в то, что всё так и останется.

Но надежды у тебя по-прежнему не было. И спустя некоторое время Сомнения снова заползли в мою душу. Сейчас ты жива, и веселишься, и бегаешь, но что будет потом? Что я буду делать с тобой потом, когда снова наступит зима, и холод скуёт в свои цепи всё вокруг, включая мою душу и тебя? Ведь ты тогда умрёшь. Несмотря на всё твоё желание жить. Нужно было либо возродить Веру в тебя, либо лишить тебя этой ненужной жизни. Вера не просыпалась. И я, словно в горячке, неожиданно ударила тебя в спину. Ударила, и сама пришла в ужас от того, что сделала. Ты только вскрикнула и упала со слезами и болью. «Что же ты наделала?» – только и

услышала я сквозь болезненный вскрик. Я не смогла на это смотреть, не смогла слышать твои укоры и убежала, уехала прочь, оставив тебя умирать одну.

Чужой город не смог развеять отрешённого состояния. Несколько недель я бродила, как привидение, искала чего-то, сама не зная, чего, и ничто не могло принести мне утешения. Вещи, которые ещё месяц назад радовали меня, влекли к себе, теперь совсем потеряли значение. Что-то, ещё тайное и неизвестное, влекло меня назад, туда, где осталась ты, моя Любовь. Я тогда ещё не знала, что ты не умерла. Некому было помочь тебе, но некому было и окончить твои страдания. И ты, преодолевая боль, сама поднялась с земли. Поднялась сначала на колени, потом полностью на ноги и, пошатываясь, выбралась из темноты.

Как ты сумела найти меня, было загадкой. Ты совсем неожиданно пришла, наверное, для того, чтобы мне снова стало стыдно за свой бесчестный поступок. Но ты не стала упрекать меня, просто села и сказала: «Я не могу без тебя. Куда бы ты не шла, я всегда буду следовать за тобой. Иначе я умру». «Ну и умри! – воскликнула я. – Умри! Дай мне жить! Ты ведь всё равно не выживешь!» «Я умру только вместе с тобой», – спокойно ответила ты, молча свернулась в уголке калачиком и затихла. А я продолжала пытаться найти в жизни цвета и краски, пытаюсь не обращать на тебя внимания. Только мир продолжал оставаться безрадостным. Когда ночью я не выдержала и зарыдала от отчаяния, ты подошла ко

мне, обняла за плечи и просто сказала: «Поедем домой. Нам тут нечего делать».

Мы вернулись домой. Но лучше почему-то не становилось. Мы вдвоём ходили на бесплотных существ, которые бесцельно тыняются по миру. Твои раны временами открывались, и тогда ты совсем не могла двинуться. У тебя начинался жар, и ты, казалось, совсем умирала. Я понимала, что это твоя агония, но, тем не менее, старалась тебе помочь, несмотря ни на что. Это у меня, однако, плохо получалось. Ты хватала меня иногда за руку, и в твоих глазах читалось одно: «Не покидай меня! Я не хочу умирать!» Как я могла тебя спасти? Я уже не знала, как.

Помощь пришла неожиданно, от него. Хоть он и не видел тебя и ничего не знал о твоём существовании, но после его спокойных слов ты успокоилась и больше не металась в бреду. Этого было слишком мало, чтобы ты выздоровела, но достаточно для того, чтобы тебе стало лучше. Последнее, что я помнила от тебя – это слова: «Я так устала. Можно, я посплю немного?»

И ты заснула. Надолго. Медленно тянулись дни, как близнецы похожие один на другой. Я уже перестала обращать на тебя внимание. Думала, что тебя уже нет. И мне стало немного легче. Я уже умела жить и без тебя, и думала, как мне устраивать свою новую жизнь.

Ты проснулась совершенно неожиданно. Однажды ты встретила меня, когда я вернулась домой, обняла за плечи и,

задыхаясь от волнения, сказала: «Я больше не умею летать. Но я могу дать тебе свои крылья! Лети ты!» «Но я не умею летать!» – испугалась я. Ты меня не слушала. Долго уговаривала, приводила какие-то доводы, а я всё никак не могла поверить в то, что всё это происходит на самом деле. Ты была слишком возбуждённая и наконец просто вытолкала меня из окна. Я падала, казалось, что в бездну, которая поглотит меня, и всё забудется, исчезнет. Но вдруг падение превратилось в полёт. Раскрылись широкие крылья и понесли меня ввысь в потоке воздуха. Я впервые почувствовала восторг этого ощущения свободы. И никогда ранее я не думала, что крылья имеют такую силу! Я помнила только ночное небо, усыпанное звёздами, лёгкость в теле, я и он, и неудержимая энергия бьёт из каждой клеточки тела. Потом совершенно неожиданно взлетела и ты, поддерживая меня в небе. И ещё какая-то яркая вспышка, которую я не смогла рассмотреть, но догадалась, что это твоя подруга – его Любовь. Ты была не одна, а значит, и я была не одна, а значит, все страдания были не зря, и у меня есть смысл жить и ждать. И сила от сознания этого во мне открылась безграничная, подобная самому небу, и казалось, что конца этому экстазу не будет.

В один из вечеров ты сидела возле зеркала, расчёсывая волосы, а я, стоя в дверях, наблюдала за тобой. Ты весело щебетала, как всегда, и всё время пыталась и меня вовлечь в разговор. «Чему ты радуешься? – спросила я. – Всё равно ведь у тебя нет надежды». «Ну и что? – невозмутимо пожала

плечами ты, глядя на меня. – Зато я есть».

2002 год

Уроки музыки

Элси заморожено слушала включённую на магнитофоне запись. Это был её любимый этюд, сыгранный на рояле, который неизменно звал душу в полёт. Девушке раз за разом казалось, что капли только прошедшего летнего дождя вместо нот капали по лужам. Но в них ещё чувствовалась сила живого неудержимого ливня. Он ещё был здесь, ещё слишком свежа была память о нём. Вот только что он бушевал в полную силу, умывая мир бурными потоками. Всего несколько мгновений назад молнии ещё прорезали тёмное небо, и раскаты грома сотрясали землю. Но дождь выдохся, всё миновало, и осталась только эта удивительная симфония падающих капель. Капли были настолько реальными, что ощущались кожей. Они спадали на землю с умытых зелёных листьев, с лепестков намокших цветов, с перьев купающихся в луже птиц. Они падали, отражая в себе лучи солнечного света, который уже пробивался сквозь клочки туч, и рисовал в небе подёрнутую лёгкой дымкой радугу. Земля жила и наслаждалась этим, с радостью вдыхая живительную влагу, а выдыхая безмерную благодарность дождю, и благодарность эта исходила со всей широты её сути. Перед глазами Элси то и дело возникало это чудесное видение, и так восхищалась она мастерством композитора, который написал этот этюд, и исполнителя, который сумел передать живость ощущений.

–Ты хочешь тоже сыграть так? – голос её друга Брайана вернул девушку к реальности.

Ответ очевиден.

–О да! Конечно, хочу.

–Могу тебе помочь, – улыбнулся Брайан.

И кто ещё мог, как не он. Молодой человек учился в консерватории на последнем курсе по классу игры на фортепиано, и все профессионалы восхищались его незаурядными способностями. Элси с радостью протянула вперёд руки.

–Чего это ты? – не понял Брайан.

–Ноты давай, – с надеждой произнесла девушка. –Э-э, нет, – покачал головой Брайан. – Спешить нельзя. С такой торопливостью ты хоть всю жизнь играть будешь, и всё равно ничего путного не сыграешь.

Элси обиженно опустила руки. Её разочарование вырисовало на юном лице такую яркую картину, что Брайан рассмеялся.

–А что делать надо-то? – подозрительно спросила девушка.

В ответ Брайан снова включил запись.

–Слушай.

–Я уже послушала, – запротестовала Элси.

–Слушай ещё. Слушай, пока музыка не войдёт в тебя, не пропитает каждую клеточку тела, пока твоя душа не будет повторять каждую ноту.

–Но я и так прекрасно чувствую музыку, и всё это могу

ощутить.

–Нет, ты чувствуешь неправильно.

–Но почему неправильно? – возмущалась девушка. – Ты хоть знаешь, как правильно? Откуда ты можешь знать, что я чувствую?

–Это очень просто отличить, – ответил Брайан. – Ты с помощью музыки играешь свою душу. А надо играть музыку с помощью души.

Элси опустила на стул и недовольно сжалась в комочек. На Брайана опять нашло, и он начал говорить загадками. Таким он ей не нравился. Ей нравилось, когда он был лёгким, всегда шутил и рассказывал забавные истории и разыгрывал всевозможнейшие роли. Эти роли каким-то чудесным образом вписывались в него все, каким бы ему не вздумалось быть. Вот и сейчас роль строгого наставника тоже была надета на нём, как кожа. Все, кто увидел бы его в первый раз, не могли бы представить его другим. «Только очков на носу и указки не хватает», – подумала Элси. За этими размышлениями мелодия незаметно прошла мимо неё. Но Брайан неумолимо включил её на режим повтора.

–И долго мне так слушать надо? – недовольно спросила Элси.

–Ну, раз сто пятьдесят – сто шестьдесят, думаю, хватит для начала, – невинно сказал Брайан.

–Сколько??? – от неожиданности подскочила Элси.

Юноша в ответ только прыснул от смеха в кулак.

–Слушай, пока не услышишь, – мягко сказал он, положив руки девушке на плечи и усадив её на место.

Элси ничего не оставалось, как смириться со своей участью. Она сидела на диване, легонько болтая ногой и размышляя о своём. Музыка играла и играла, переливаясь каплями дождя, и всё меньше нравилась девушке. Брайан что-то записывал, не обращая на Элси внимания, потом вдруг поднялся и выключил магнитофон.

–На сегодня достаточно,– изрёк он. – Не будем заморачиваться. Пойдём гулять.

Девушка с облегчением вздохнула, а Брайан лишь сочувственно покачал головой.

На следующий день ситуация повторилась. Брайан снова не дал ей ноты и снова заставил слушать музыку. На третий день Элси прибежала в студию раньше него и принялась везде рыскать, в надежде найти заветную запись. Ей очень хотелось начать разучивать мелодию тайно, чтобы потом удивить Брайана. Но её далеко идущие планы были разрушены появлением молодого человека и его рекомендацией «не лезть поперёд батька в пекло».

Потом что-то начало происходить с ней. Ей надоело безуспешно убеждать Брайана, надоело пытаться что-то понять, и когда включалась музыка, она просто впускала в себя капли летнего дождя и позволяла им стучать по поверхности своей души. Они капали и капали, то тут, то там, а девушка в это время полностью расслаблялась и позволяла музыке де-

лать с ней всё, что угодно. Элси поняла, что это состояние ей нравится. Поэтому она стала всё чаще и чаще погружаться в него во время прослушиваний.

Наконец Брайан позволил ей сесть за инструмент. Ей казалось, что она играет очень открыто и проникновенно, что у неё всё получается, и что Брайан непременно тоже это заметил и обязательно должен оценить. И в этот момент иллюзии девушки были разрушены замечаниями друга:

–Ты слишком концентрируешься на нотах. Зачем? Просто играй.

–Как же я могу играть, если я не знаю, что именно? – не поняла Элси.

–Ты знаешь, что именно, – сказал Брайан. – Ты уже много раз слышала, что именно тебе нужно сыграть, столько раз в мыслях ты нажимала эти клавиши, и теперь ты будешь убеждать меня, что не знаешь, что именно играть?

–Но это были мои фантазии! – воскликнула Элси. – Нажимая эти воображаемые ноты, я ничего не сыграю.

–А ты попробуй.

Элси попробовала. И обнаружила, что не запомнила ни одного аккорда.

–А почему ты не запомнила? – поинтересовался Брайан.

–Я не знала, что их нужно было запоминать, – огрызнулась девушка. – А ты не сказал.

–Так! Опять начнём сначала, – изрёк Брайан.

Но настроение Элси уже было испорчено, и она категори-

чески отказалась работать. А на следующий день она осознала, что просто не видит, как именно она играет. Видит, что играет, но не видит перед собой ни партитуры, ни клавиш.

– Плохо, – заявил Брайан, когда девушка ему пожаловалась. – Очень плохо.

– Но зачем это всё видеть, если есть записанные ноты! – вскипела Элси. – Только ты со своими дурацкими фантазиями не даёшь мне ничего разучить!

– Записанная музыка – мёртвая музыка. А я хочу, чтобы ты играла живую музыку.

– Ну не понимаю, что ты хочешь! Не по-ни-ма-ю!!! И можешь повесить меня за это! – выкрикнула Элси и обиженно отвернулась.

Она действительно не понимала, и Брайан это знал. Всей своей кожей он это чувствовал. И было так от этого обидно! Но как назло, именно в этот момент все аргументы, которые он готов был привести, стали бессмысленными. Элси всё равно его не поймёт, потому что говорили они на разных языках. Вздохнув, Брайан протянул девушке ноты.

– На, учи. Только без меня.

Элси резко вырвала у него из рук тетрадь и ушла, хлопнув дверью. Юноша только опустил на стул и грустно вздохнул.

Она легко всё выучила. Но попала в жёсткие рамки написанного. Работая безупречно с техникой, её душа больше не летала, и волосы не рассыпались по плечам, отдаваясь ветру

и дождю, а глаза не отрывались от клавиш. Брайан пытался что-то сделать, объяснить, но от этого Элси только вставала на дыбы. Невозможно было счесть, сколько раз она хлопала дверью и уходила, крича, что не намерена исполнять его прихоти. Иногда Брайану хотелось схватиться за голову. Он настолько чётко видел Элси, исполняющую это произведение, так, как нужно, что никак не мог поверить, что она не понимает, чего он от неё хочет.

– Ну хорошо, – в один из дней сказала девушка. – Ты можешь мне показать на своём примере, чего ты добиваешься?

– Могу, – просто сказал Брайан и сел за рояль. – Но это будет моё исполнение, а не твоё.

– Ну покажи мне, хотя бы пример, чтобы я поняла.

– Хорошо.

Он не делал ничего особенного, не строил из себя одухотворённого исполнителя. Просто музыка лилась из-под его пальцев сама. И будто бы юноша её не играл, а наоборот, сдерживал, но всё было бесполезно – потоки аккордов и отдельных нот были похожи на неудержимый поток горной реки, напоенной дождём. Они растекались бурной водой и стучали по листьям, земле и камням летним ливнем. Они звучали ликованием трав и цветов, напоенных долгожданной влагой. В них пульсировало торжество жизни, и сам Брайан, казалось, не принимал в этой феерии никакого участия. Он мог только всё это *показать*, оставив увиденное без личных комментариев. И Элси тоже могла увидеть это таким, каким оно

было, а не каким видел его Брайан. Она могла сама принять то, что слышит и сама могла оценить. Когда юноша закончил, девушка сказала.

–Но я делаю всё точно так же.

–Не точно так же. Ты играешь нотами и руками, в лучшем случае что-либо фантазируешь в этот момент. У меня играет сердце, и я музыку просто чувствую, – Брайан встал и указал Элси на стул у рояля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.